

АННА ВИКТОРОВНА БОЛЬШАКОВА

старший преподаватель кафедры истории и гуманитарных наук факультета истории и социальных наук, Бокситогорский институт (филиал) Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина (Бокситогорск, Российская Федерация)
anschovis@yandex.ru

ИМУЩЕСТВЕННЫЕ ПРАВА ЖЕНЩИНЫ В ТРАДИЦИОННОМ ВЕПСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Дан обзор особенностей имущественных прав женщин в традиционной культуре вепсов – малочисленного народа Северо-Запада России. Статья базируется на архивных источниках и историко-этнографических исследованиях.

Ключевые слова: история Карелии, история Ленинградской области, гендерная история, вепсянка, правовое положение женщины, обычное право, традиционное общество, общесемейное имущество

Вепсы – один из коренных народов Северо-Запада России – в середине XIX – начале XX века вместе с другими народами Российской империи переживал трансформацию традиционной культуры. Одним из признаков этого процесса является эволюция социально-экономического положения женщин в традиционном вепском обществе и семье.

Девочка, девушка, живущая в родительском доме на попечении отца и матери, считалась временной жилицей в семье. Ее имущественные права ограничивались правом на владение и распоряжение игрушками – куклами, свистульками, копиями орудий женского труда – коробами, предметами утвари, посудой, прялочками, веретенами, ткацкими станочками и т. п. С 7 и до 13–16 лет девочка разделяла с матерью все общие семейные работы, а значит, накапливала знания, которые облегчали существование в крестьянском мире и повышали шансы на удачный брачный союз: «При заключении браков редко имеется в виду взаимное влечение, чаще хозяйственные соображения. В невесте ценится ее трудоспособность, имущественный достаток...» [3; 36].

До выхода замуж девушка имела право жить с отцом, братьями или с одним из них (с кем пожелает) и, работая в его хозяйстве, получала за это пищевое и прочее довольствие [13; 76]. К 13–16 годам юная вепсянка работала наравне со взрослыми и готовила для себя приданое [10; 7–14].

Прогнать девушку из дома братья могли лишь за распутное поведение. Потеря девушкой девственности до брака не осуждалась и не являлась препятствием для замужества: «Если у девушки есть какие улики против соблазнителя, она возбуждает против него дело и выходит за него замуж» [3; 28]. Но забеременевшая девушка вызывала всеобщее осуждение. Ее шансы создать полную семью сводились только к брачному союзу со вдовцом. Мать-одиночка получала деньги на содержание ребенка от его отца, «но как получала – больше на словах, чем на деле» [3; 28].

Иногда беременная девушка изгонялась из семьи, и тогда ее дети становились бобылями, живущими подаянием. Чтобы прокормить себя и ребенка, молодая мать, практически не получавшая помощи от отца ребенка, нанималась в няньки, прислуги, работницы, уходила в города – Петрозаводск, Лодейное Поле, Повенец, Петербург – на заработки, как другие девушки и подростки, где зарабатывала иногда не более 2–3 рублей в месяц [11; 2]. Если же беременная не изгонялась из семьи, то ее дети становились равноправными членами семьи и общества, получив отчество «Богданович»; в наследовании имущества они имели равные права с законно-рожденными в этой семье детьми [3; 28].

Если по какой-либо причине девушке не удавалось до 24–25 лет [1; 17] выйти замуж, она считалась старой девой. Живущая как работница в родной семье, она получала за свой труд пищу, посуду, одежду, обувь и прочее из общесемейной собственности. Если она хотела отделиться от большой семьи и вступала в тяжбу с братьями, то суд был не на ее стороне, так как «девушке отдельно жить не полагается» [13; 76].

После замужества хозяйство обязано было обеспечить девушку частью общесемейного имущества, считавшейся собственностью невесты: коровой или нетелью, парой овец, сундуков, одеял, соломенных матрацев, 20–30 штуками полотенец, двумя ложками, чайным набором, ткацким станком, одеждой [2; 100], набором сельскохозяйственного инвентаря, куда входили топор, коса для рубки деревьев, серп, коса-«стойка» или «литовка», грабли [7; 123] (жених также вносил в основу общего хозяйства инструменты: серп, косу, грабли и т. д. [4; 58]).

В. Н. Майнов оставил сообщение о существовании у вепсов со стародавних времен «обычая вносить калым за невесту; калым этот доходит до 10 рублей (и более) и передается на руки тестю, который однако никогда не оставляет деньги эти у себя, а по возвращении от венца всегда

возвращает калым дочери – “на обзаведенье”. Калым этот носит на чудском языке крайне интересное название, которое прямо указывает на значение его как платы отцу за соблюдение нравственности дочери; “*verehine velg*” значит собственно “кровавый долг”, быть может в смысле платы за отчуждение одной из кровных, а быть может также за акт пролития крови» [14; 25]. В севернорусской традиции с подобной целью выкуп не выплачивался, но существовал обычай денежной помощи со стороны жениха. Чаще всего деньги шли на свадебные расходы [12; 130].

На второй день после свадьбы во время проведения церемонии «княжеский стол» молодая жена одаривала новых родственников подарками, изготовленными собственными руками, – рубашками, полотенцами и пр. При подсчете денежного эквивалента всех даров, преподносимых невестой родне мужа в начале XX века, получается довольно внушительная сумма – около 42 рублей 75 копеек [6; 132–134] (не считая полотенца). За свою работу девушка сама же получала деньги в помощь из рук одариваемых. Они шли на хозяйственные нужды молодой семьи. Родители невесты, приезжавшие в дом новобрачных через трое суток для того, чтобы передать приданое дочери, могли одарить ее деньгами, если были достаточно обеспечены [7; 123].

Замужняя женщина-вепсянка выходила из родной семьи в семью мужа под покровительство его самого и его родителей. В большой вепской семье все имущество считалось собственностью всех ее членов [18; 406]. Безусловное право распоряжения общесемейным имуществом принадлежало главе семьи, старшему мужчине – ижанду (большаку, хозяину). Его власть была почти неограниченной. Он распределял членов семьи по работам, отправлял на отхожие промыслы, собирал и контролировал заработанное другими членами семьи [16; 160]. Обладание большим количеством материальных ценностей обеспечивало высокий статус мужчины в обществе, уважение соседей-односельчан, поэтому «больше всего крестьянин гордился богатством и к этому больше всего стремился» [3; 23].

Связь с капиталистически развитыми районами со временем становилась более тесной. В начале XX века значение трудоемкого подсечного земледелия стало падать, напротив, значение отхожих промыслов в хозяйстве большой семьи стало возрастать. В самой вепской деревне складывались буржуазные отношения. Работавшие по найму мужчины-вепсы возвращались домой с заработанными деньгами, затронутые влиянием капиталистического общества, у них зрело недовольство властью хозяина – ижанда. Все это вело к более частым разделам больших семей [16; 160].

В традиционной культуре вепсов важное место занимала поземельная община, отличавшаяся

некоторыми своеобразными чертами: общинное владение землей и частное землепользование (участки земли наследовались); отсутствие общих переделов земли при частичных переделах; отсутствие круговой поруки; свободный уход членов общины на заработки; сходы собирались не чаще одного раза в год. На сходах избирались десятские, сборщики налогов и писарь (староста назначался волостным правлением), раскладывались налоги, выделялись участки для постройки домов, решались вопросы о ремонте церкви и т. д. [16; 160].

Женщина не являлась самостоятельным полноправным членом общины, не имела в собственности земли, но могла принимать участие в дележе участков при частичных переделах, спровоцированных в том числе распадами больших семей. Один из таких дележей, происходивших в Тихвинском уезде Новгородской губернии, описывает Не-Садко: «В дележе, который мне пришлось наблюдать, участвовали четверо: 2 женщины, мужик и старик. Им четверым, по дележу общества, достался угол, и они этот угол делят уже между собой; угол, в свою очередь, разбит ими на 2 участка. На каждом двух, участвующих в дележе, приходилось по одному участку; предстояло решить: которая из двух сторон владеет тем или другим участком. Долго и горячо об этом спорили, но, по-видимому, не пришли ни к какому соглашению... так как старик, сделав два жребия из деревянной палочки и расколов каждый надвое, две половинки бросил на пол, а две других, на которых были отмечены тот и другой участок лядин, оставил у себя. Поспорили еще немного, одна из женщин, перекрестившись, поднимает с пола один из жребьев, и тогда старик показывает ей соответствующую половинку жребья, на которой отмечены доставшиеся ей лядины, после чего все споры прекратились и оживление деливших сменилось обычной апатией, говорящей о глухой покорности судьбе» [15; 3–4].

Этот эпизод может говорить о том, что женщина принимала участие в дележе земли, но не как хозяйка, а как «рука Бога». Тот жребий, который вытащила, перекрестившись, женщина, указал волю провидения для всех четверых, а женщина явилась проводником этой воли, которую приняли как данность двое соперников – мужчин.

Как бы ни была велика власть ижанда над имуществом семьи, это право не распространялось на приданое жены и невесток: собственность хозяйки ни муж, ни дети, ни родственники не могли продать, подарить или резать (скот) без ее разрешения. Тем не менее вепская женщина в браке крайне редко могла иметь собственность, кроме полученной в приданое. Полагалось, что она как существо неразумное не может быть самостоятельной в имущественных вопросах.

Источники начала XX века отмечают, что вепские женщины, как и русские, часть изго-

товленного своими руками за долгую зиму (пряжа, нитки, холст, вязанные чулки, белье и пр.), шерсть, яйца могли продать: «Вся выручка от продажи этих вещей составляет неотъемлемую собственность женщины, огражденную обычаем от всяких посторонних покушений» [11], [19]. На вырученные деньги женщины покупали наряды, посуду [3; 3].

Моментом истины для определения семейного уклада в любом обществе является развод. В традиционном вепском обществе, признававшем только венчанный церковный брак и осуждавшем свободное сожителство, развода в юридическом смысле не существовало. Если и прибегали к расторжению брака, то очень редко и только на время: «Бывает, муж переменит обращение, а бывает иначе: как-нибудь поспорят, жена и уйдет. Друга думает, что муж будет просить вернутцы обратно, а он и не подумает, и возьмет себе другую бабу» [8; 73]. Разводились редко: мужчина терял рабочие руки, но если жить под одной крышей представлялось невозможным, расходились помимо церкви и помимо гражданской власти по взаимному соглашению. Это свидетельствует о том, что каноническое представление о природе брака как о таинстве еще недостаточно укрепились в правосознании населения. В браке и разводе по взаимному согласию еще усматривается частно-правовой договорный элемент. Необходимо отметить, что развод по взаимному согласию прямо запрещается статьей 46 Законов гражданских, опубликованных в Своде законов Российской империи в начале XX века [5; Ст. 46].

Для женщины развод был гораздо более сложным и предосудительным делом, нежели для мужчины. Общество критично относилось к разведенным и к тем, из-за кого разводились супруги. Однако в результате развода право жены на приданое вступало в силу, и она возвращалась в родительский дом.

После смерти мужа вдова имела право получить приданое в натуре или его полную стоимость, если она уходила из семьи мужа [17; 217].

Бездетная вдова имела право претендовать и на «пожилое» – заработок за прожитые в семье мужа годы, так как в этом случае она рассматривалась лишь как наемная работница. Имущественные права замужней женщины в традиционном вепском обществе были сопоставимы с правами примака. В случае смерти жены примака имел право лишь на получение своего «приноса», который фактически приравнивался к приданому девушки, а также на пожилое [17; 217].

У вепсов семья была не только брачным и родовым, но и трудовым союзом, обладающим семейным имуществом, все члены мужского пола которого имели право на долю в общей собственности. Женщина-вепсянка не имела права на долю общесемейного имущества: при его разделе учитывался в первую очередь мужской состав по нисходящей линии родства. Женщины могли участвовать в коллективном пользовании наравне с другими членами семьи, распоряжаться своим приданым и имуществом, произведенным лично в результате эксплуатации движимой собственности или полученным в дар. В некоторых случаях женщины имели право на распоряжение семейным имуществом (вдова ижанда). Их имущественные права были защищены обычаем.

Под влиянием социально-экономических и политических преобразований второй половины XIX – начала XX века в семейном укладе вепсов происходили изменения. Наблюдается постепенная трансформация статуса и роли женщины, что было связано с ростом числа малых (нуклеарных) семей на фоне уменьшения количества больших и неразделенных семей, в результате чего главами женской части дома становились еще достаточно молодые женщины, которые могли заниматься хозяйственными делами без оглядки на старших невесток и свекровей. В связи с активным участием мужчин в отхожих промыслах женщины стали играть основную роль в земледелии, выступая хранительницами основ традиционного хозяйства вепсов, что отразилось и на их имущественном положении.

ИСТОЧНИКИ

1. Баранова А. А. Полевой дневник научной экспедиции в Тихвинский район Ленинградской области. Июль 1974 года // Научный архив Российского этнографического музея. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1774. 96 л.
2. Волков Н. Н. Зимние занятия вепсов. Ребоконекский лесопункт. Капшинский район Ленинградской области. Полевые записи; 1940 г. // Архив Музея Антропологии и этнографии имени Петра Великого. Ф. 13. Оп. 1. Д. 13. 20 л.
3. Лескова А. В. О чухарях // Научный архив Российского этнографического музея. Ф. 1. Оп. 2. Д. 373. 96 л.
4. Отчет Логинова К. К. по этнографической экспедиции в Ленинградскую область, Бокситогорский район, Сидоровский сельский совет (южные вепсы) – 1978 г. // Архив Карельского научного центра РАН. Ф. 1. Оп. 50. Д. 482. 78 л.
5. Свод законов Российской империи. Законы гражданские. Т. 10. СПб., 1916.
6. Скородумов Е. В. Свадебный обряд вепсов. Статья. Машинопись (1928–1930) // Архив Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого. Ф. 13. Оп. 1. Д. 24. 140 л.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

7. Анхимова Н. А. Материалы по свадебной обрядности северных и средних вепсов (конец XIX – начало XX в.) // Вепсы: история, культура и межэтнические контакты. Петрозаводск: КФ АН СССР, 1999. С. 114–123.
8. Борисова А. Взаимоотношения полов у чухарей // Старый и новый быт. Л.: Госиздат, 1924. С. 59–80.
9. Вепско-русский, русско-вепский учебный словарь. Петрозаводск: Карелия, 1995. 191 с.
10. Горб Д. А., Засецкая М. Л. Трудовое воспитание у прибалтийско-финских народов Северо-Запада СССР // «Мир детства» в традиционной культуре народов СССР: В 2 ч. Ч. 1. Л.: Музей этнографии народов СССР, 1991. С. 5–17.

11. Кузнецов В. К. Работы крестьянского населения Олонецкой губернии в осенне-зимний период // Олонецкие губернские ведомости. 1902. № 67. С. 2.
12. Кузнецова В. П. Вепско-русские параллели (на материале свадебной обрядности) // Вепсы: история, культура и межэтнические контакты / Под ред. И. Ю. Винокуровой. Петрозаводск: КНЦ РАН, 1999. С. 126–147.
13. Линевский А. М. Очерки по истории Древней Карелии. Ч. 1. Петрозаводск, 1940. 132 с.
14. Майнов В. Н. Приютская чюдь (Весь – Вепсы) // Древняя и Новая Россия. 1887. Т. 2. № 6. С. 133–143.
15. Не-Садко. Чухари // Новгородская жизнь. 1909. № 94. 29 ноября. С. 3–4.
16. Пименов В. В. Поездка к прионежским вепсам // Советская этнография. 1957. № 3. С. 158–163.
17. Пименов В. В. Вепсы. Очерк этнической истории и генезиса культуры. М.; Л.: Наука, 1965. 264 с.
18. Прибалтийско-финские народы России / Отв. ред. Е. И. Клементьев, Н. В. Шлыгина. М.: Наука, 2003. 671 с.
19. Шапкин Н. Семейный и общественный быт населения Олонецкого края // Олонецкие губернские ведомости. 1908. № 97. С. 2.

Bol'shakova A. V., Boksitogorsk Institute (Branch) of Pushkin Leningrad State University (Boksitogorsk, Russian Federation)

FEMALE PROPERTY RIGHTS IN TRADITIONAL VEPSIAN SOCIETY

The article gives a general overview of the specific characteristics of property rights, which a woman in the traditional culture of «veps» (a numerically small ethnic group in the North-West of the Russian Federation) had. The research is based on the data stored in the Scientific Archive of the Russian Ethnographic Museum (Saint-Petersburg), the Archive of the Museum of Anthropology and Ethnography named after Peter the Great (Saint-Petersburg), the Archive of the Karelian Research Centre of RAS (Petrozavodsk) and on the preceding historical-ethnographical studies.

Key words: history of Karelia, history of Leningrad region, gender history, «veps» woman, legal status of a woman, customary law, traditional society, family property

REFERENCES

1. Baranova A. A. Field Book of Scientific Expedition in Tikhvin District of Leningrad Region. July 1974 // Scientific Archive of Russian Ethnographic Museum. F. 2. C. 1. 1774. 96 p. (In Russ.)
2. Volkov N. N. Winter Employments of «Veps». Logging Depot. Kapshinskiy of Leningrad Area. Field Records. Year 1940 // Archive of Museum of Anthropology and Ethnography named after Peter the Great. F. 13. C. 1. D. 13. 20 p. (In Russ.)
3. Leskova A. V. About the Men of Finno-Ugric Origin // Scientific Archive of Russian Ethnographic Museum. F. 1. C. 2. D. 373. 96 p. (In Russ.)
4. A report of Loginov K. K. on Ethnographic expedition to Leningrad region, Boksitogorsk district, Sidorovskiy Village Soviet (South Vepsian). 1978 // Archive of Karelian Scientific Centre of the Russian Academy of Science. F. 1. C. 50. D. 482. 78 p. (In Russ.)
5. Statute-book of the Russian Empire. Civil Laws. V. 10. Saint-Petersburg, 1916. (In Russ.)
6. Skorodumov E. V. Marriage Rite of Vepsians. Article. Typing (1928–1930) // Archive of Museum of Anthropology and Ethnography named after Peter the Great. F. 13. C. 1. D. 24. 140 p. (In Russ.)
7. Ankhimova N. A. Materials on a Wedding Rite of the North and Middle Vepsians (end of the XIX – beginning of the XX century) [Materialy po svadebnoy obryadnosti severnykh i srednykh vepsov (konets XIX – nachalo XX veka)]. *Vepsy: istoriya, kul'tura i mezhetnicheskie kontakty* [Vepsians: history, culture, and intercultural contacts]. Petrozavodsk, Kazan branch of the Academy of Science in the USSR, 1999. P. 114–123.
8. Borisova A. Gender interrelation of people of Finno-Ugric origin [Vzaimotnosheniya polov u chukharei]. *Staryi i novyi byt* [Ancient and Modern Culture]. Leningrad, Gosizdat Publ., 1924. P. 59–80.
9. *Vepssko-russkiy, russko-vepskiy uchebnyi slovar'* [Vepsian-Russian, Russian-Vepsian Learner's Dictionary] / Petrozavodsk, Karelia Publ., 1995. 191 p.
10. Gorb D. A., Zasetskaya M. L. Trudovoe vospitanie u pribaltiysko-finskikh narodov Severo-Zapada SSSR [Labour Nurturing of the Baltic-Finnic nation in the North-West of the USSR]. *«Mir detstva» v traditsionnoy kul'ture narodov SSSR* [«The World of Childhood» in traditional culture of people in the USSR: In 2 vol. Vol. 1]. Leningrad, 1991. P. 5–17.
11. Kuznetsov V. K. Labour of Peasant Population in Olonetskaya Guberniya in Autumn and Winter Period [Trudovoe vospitanie u pribaltiysko-finskikh narodov Severo-Zapada SSSR]. *Olonetskiy Gubernskie Vedomosti*. 1902. № 67. P. 2.
12. Kuznetsova V. P. Vepsian-Russian parallels (Materials of Marriage Rites) [Vepssko-russkie paralleli (na materiale svadebnoi obryadnosti)]. *Vepsy: istoriya, kul'tura i mezhetnicheskie kontakty* [Vepsians: history, culture, and intercultural contacts]. Petrozavodsk, Kolskiy Scientific Center of Russian Academy of Sciences, 1999. P. 126–147.
13. Linevskiy A. M. *Ocherki po istorii drevney Karelii* [Essays on history of Ancient Karelia]. Vol. 1. Petrozavodsk, State Publishing House Karelo-Finnish Soviet Socialist Republic, 1940. 132 p.
14. Mainov V. N. Priiatska Chude («Veps» – Vepsians) [Prioyatskaya chud']]. *Drevnyaya i novaya Rossiya* [Ancient and Modern Russia]. 1887. Vol. 2. № 6. P. 133–143.
15. Ne-Sadko. The Man of Finno-Ugric Origin [Ne-Sadko. Chukhari]. *Novgorodskaya khizn'* [Novgorod Life]. 1909. № 94. November 29. P. 3–4.
16. Pimenov V. V. Journey to Onega Vepsians [Poezdka k prionezhskim vepsam]. *Soviet ethnography*. 1957. № 3. P. 158–163.
17. Pimenov V. V. *Vepsians. Vepsy. Otcherk etnicheskoy istorii i genezisa kul'tury* [Essay of Ethnic History and Genesis of Culture]. Moscow, Leningrad, Nauka Publ., 1965. 264 p.
18. *Pribaltiysko-finskie narody Rossii* [Baltic-Finnish nations of Russia]. Moscow, Nauka Publ., 2003. 671 p.
19. Shaizhin N. Family and Social Life of Population in Olonetskaya area [Semeynyi i obshchestvennyi byt naseleniya Olonetskogo kraia]. *Olonetskie gubernskie vedomosti*. 1908. № 97. P. 2.

Поступила в редакцию 04.10.2011